

4. ЭШЕЛОННАЯ ВОЙНА

4.1. Стратегический план наступления на Дон. Выход советских войск на границы Области

По целому ряду причин Советское правительство не могло смириться с независимым существованием «Донской Вандеи». Дон с первых дней оставался под пристальным вниманием Совнаркома, просто до поры требовала разрешения более важная задача: выжить и закрепиться в Центре.

Едва лишь со старой Ставкой было покончено, СНК 23 ноября²⁴⁶ издал обращение ко всем Советам, согласно которому Каледин, Корнилов и Дутов были объявлены вне закона, и в котором в частности говорилось:

«...Революция в опасности.

Нужно народное дело довести до конца. Нужно смести врагов народа. Нужно, чтобы... казачьи генералы и их кадетские вдохновители почувствовали железную руку революционного народа.

... Совет Народных Комиссаров распорядился двинуть необходимые войска против врагов народа. Контрреволюционное восстание будет подавлено. Виновники понесут кару, отвечающую тяжести их преступления.

...Совет Народных Комиссаров постановляет:

- 1) Все те области на Урале, Дону и в других местах, где обнаружатся контрреволюционные отряды, объявляются на военном положении.
- 2) Местный революционный гарнизон обязан действовать со всей решительностью против врагов народа, не дожидаясь никаких указаний сверху.
- 3) Какие бы то ни было переговоры с вождями контрреволюционного восстания или попытки посредничества воспрещаются.
- 4) Какое бы то ни было содействие контрреволюционерам со стороны местного населения или железнодорожного

---

²⁴⁶ В день прихода тральщиков с десантом в Ростов.

персонала будет караться по всей тяжести революционных законов.

- 5) Вожди заговора объявляются вне закона, и всякий трудовой казак, который сбросит с себя иго Калединых, Корниловых и Дутовых, будет встречен братски и найдёт необходимую поддержку со стороны советской власти».

В.А. Антонов-Овсеенко

Это заявление было равносильно объявлению войны и именно в этом смысле и воспринималось советскими военными руководителями. Начальник Полевого штаба при Петроградском ВРК, член Коллегии по военным и морским делам В.А. Антонов-Овсеенко в общих чертах представлял себе наступление на Дон следующим образом. В Донбасс направлялись моряки-черноморцы и совместно с местной Красной гвардией должны были оказывать давление на Новочеркасск с запада. Туда же выдвигался

и настроенный большевистски 2-й гвардейский корпус. Основной удар планировалось нанести от Воронежа и Харькова силами сводных отрядов, принимавших участие в разоружении Ставки.

«Невзирая на кажущуюся бессистемность действий большевистских отрядов, – пишет Деникин, – в общем направлении их чувствовалась рука старой Ставки и определенный стратегически-политический план. Он заключался в том, чтобы разъединить Украину и Дон путем захвата железнодорожных узлов и линий и тем пресечь связь между ними и снабжение Дона; затем – одновременным наступлением захватить административные центры новообразований – Киев, Ростов (Новочеркасск). В частности против Дона, который, кроме своего военно-политического значения, имел и огромное экономическое, преграждая пути к хлебу, углю и нефти, наступление

должно было вестись концентрически со стороны Харькова, Воронежа, Царицына и Тихорецкой (Ставрополя)...»

Трудно сказать, в какой степени тактику наступления на Дон заимствовали большевики у оставшихся офицеров Ставки, но не надо было обладать стратегическим мышлением, чтобы понять простую вещь. Естественным плацдармом продвижения, как на Новочеркасск, так и на Украину был Донецкий бассейн с активным, сочувствующим Советской власти населением. Поначалу вовсе не планировалось *занятие всей территории* Украины. Всё зависело от многих, совершенно непрогнозируемых факторов. В частности никто даже приблизительно не представлял, каково реальное соотношение сил. Не знали ни состава, ни боеспособности украинских, также наспех сколоченных подразделений. О боеспособности своих тоже, впрочем, можно было только догадываться... Нельзя согласиться с Деникиным и в части планируемого якобы *одновременного* наступления на Киев и Ростов. Судя по всему, последующие шаги вообще не определялись заранее. Решение принималось по результатам выдвигания и занятия Донбасса. Прояви гарнизоны гайдамаков стойкость, не исключено, что не состоялся бы и «марш на Киев». В то же время «марш на Новочеркасск» предприняли бы в любом случае. Лишь говоря о «бессистемности» Антон Иванович был недалёк от истины.

Так, или иначе, но выдвигание Советских отрядов на исходные рубежи началось. Согласно приказу №9 от 2 декабря 1917 г.²⁴⁷ ВРК при Ставке передавал 1-му Минскому отряду (командир Р.И. Берзин²⁴⁸, начальник штаба капитан Андреев), состоявшего из 60-го стрелкового полка и 132-го отдельного артиллерийского дивизиона, дополнительно 17-й и 19-й стрелковые полки, «Первую революционную» и противоаэроплан-

²⁴⁷ Как далёк всё же был СНК в начале декабря от реальной помощи Ростову.

²⁴⁸ Рейнгольд Иосифович (Язепович) Берзин (Берзиньш), 1888 г.р., член РСДРП(б) с 1905 г., учитель по профессии, окончил в 1916 г. школу прапорщиков. Воевал в чине поручика. После Февраля – председатель корпусного комитета, член исполкома и ВРК 2-й армии Западного фронта. В 1937 г. на посту управляющего трестом «Агротехзнание» Наркомата земледелия РСФСР арестован. 11 ноября 1939 г. расстрелян.

ные батареи, отряд Брянской Красной гвардии в 700 штыков и 2 аэроплана.

Берзину было приказано выдвигаться по двум направлениям:

- 1) Гомель – Бахмач;
- 2) Брянск – Орёл – Курск – Воронеж – Лиски. Занять опорный пункт для сосредоточения войск в Харькове, где развернуть Полевой штаб, подтянуть войска и направить их на Ростов.

От предполагаемого ещё в начале декабря *концентрического* наступления на Дон пришлось отказаться ввиду ненадёжности наспех сколоченных из подразделений Старой армии отрядов. «...ни одна из частей не была пригодна для немедленной борьбы с контрреволюцией, – пишет Антонов-Овсеенко. – Некоторые отказались выступить, все предъявляли требования на дополнительное обмундирование, денежное снабжение и т.д.»

1 декабря²⁴⁹ Берзин в Гомеле издал свой приказ №1 по Минскому отряду. Он разбил отряд на две колонны, именованные по номерам входивших в них полков. 17-я колонна (17-й стрелковый полк, три пулемётных команды, две бронемашин) под командованием командира полка штабс-капитана Зайцева 2 декабря начинала движение со ст. Почеп через Брянск – Воронеж – Лиски до ст. Миллерово, где должна была ожидать дальнейших распоряжений. 19-я колонна (в составе 19-го и 37-го запасного стрелковых полков, трёх пулемётных команд, лёгкой батареи, при поддержке блиндированного поезда) под командованием полковника Волобуева должна была 2 декабря выступить со ст. Клинцы и Унеча и двигаться через Гомель – Бахмач на Харьков. Так называемому «Резерву» (60-й полк, три пулемётных команды, три артиллерийских и одна лёгкая батареи, две батареи 132-го артдивизиона) под командой Розенберга предписывалось следовать по маршруту Гомель – Бахмач – Ромны – Харьков.

Выдвижение, однако, началось с большим опозданием. Ни

---

²⁴⁹ Дата издания приказа косвенно подтверждает, что план выдвижения Минского отряда был принят в Ставке по предложению Берзина без предварительного согласования с Антоновым-Овсеенко.

при одной из колонн не было организовано штаба. Дисциплина, как таковая, отсутствовала. Так, 37-й полк, разложившийся совершенно, самочинно проследовал в Гомель и выразил намерение далее двигаться в Минск. За полной непригодностью пришлось отправить обратно и 2-ю батарею. С наибольшей скоростью продвигались по указанному маршруту эшелоны 17-й колонны, достигшие границ Донской области уже 7 декабря (!).

Чего нельзя было сказать о 19-й колонне. Дойдя до станции Макошино, колонна остановилось²⁵⁰, и вскоре вернулась в Гомель, где разложилась совершенно. Решено было выделить из частей по 200 человек, «согласных выполнять революционные приказы», но даже и с этим возникли проблемы. Как элемент борьбы с Калединым 19-я колонна использована быть уже не могла. Начальник «Резерва» по приказу Берзина также оставался в Гомеле, где вынужден был бороться с «враждебными» проявлениями. «...В самом Гомеле свободно выходили антисоветские газеты, – пишет Антонов-Овсеенко, велась определённо контрреволюционная агитация, разлагавшая части Первого Минского полка. Берзин приказал закрыть буржуазные газеты. *Исполком отказался это приказание выполнить...* Берзин предписал Розенбергу... закрыть газеты, произвести переизбрание Гомельского Совета²⁵¹ и создать Военно-

---

²⁵⁰ У Макошино, северо-западнее Бахмача украинский полк, занявший город, разобрал пути. Гайдамаки заявили, что ни в коем случае не пропустят колонну, а при попытках продвижения «в глубь Украины», откроют огонь. Берзин настаивал на решительных действиях. Ставка, накануне предьявившая Раде ультиматум, который демонстративно был проигнорирован, также требовала наступления. Однако Волобуев вступил с украинцами в переговоры, а полки колонны на митинге вынесли постановление отказать от наступления на Бахмач. Солдаты заявили, что согласны бороться с Калединым, но при условии следования на Харьков только через Брянск. В этой ситуации Волобуев вынужден был повернуть эшелоны колонны обратно на Гомель.

²⁵¹ Любопытно, что не наблюдается даже и попытки скрыть отношение с самого начала к Советским органам, исключительно как к средству достижения определённых СНК целей. Если деятельность местных Советов не устраивала военных и партийных руководителей, их состав просто переизбирали.

Революционный комитет». Понятно, что всё это могло быть обеспечено только лишь под прикрытием военной силы, и откладывало отправку на «калединский фронт» 60-го полка на неопределённое время.

Между тем, вновь образованный штаб Западного фронта во главе с полковником Каменьщиковым всё настойчивее требовал от Берзина активизации действий против Рады, однако разложение 19-й колонны и убытие 17-й делало это невозможным.

Тем временем бурную деятельность развернул в Брянске Кудинский²⁵², которому после развала 19-й колонны подчинили и Берзина со всеми отрядами. 5 декабря он издал приказ, согласно которому разделил свои войска на четыре колонны, силой до батальона при поддержке батареи и десятка пулемётов каждая. Первые три колонны должны были прибыть соответственно в Лиски, Купянск и Белгород, откуда «совместно с войсками ВРК», развернуть наступление на Новочеркасск. Четвёртая, резервная колонна должна была двигаться на Воронеж. 17-ю колонну Кудинский также предполагал переподчинить себе. Абсурдность этих «грандиозных», совершенно не учитывающих масштабов предстоящей операции планов, состояла в том числе, и в том, что ни в одном из указанных городов на тот момент не имелось ни только «революционных войск», но и самих ВРК, а Купянск вообще занимали гайдамаки.

В тот же день, после соответствующих консультаций, Кудинский приказом №3 свои намерения видоизменил. Пер-

---

²⁵² Эсер-максималист Кудинский выдвинулся в Октябрьские дни в качестве комиссара 6-го Литовского и Сапёрного полков. Позже был назначен Антоновым-Овсеенко начальником так называемых «Северных Советских отрядов». В его подчинение входил, в том числе, и сводный отряд Сергеева, в котором начальником штаба был Сиверс. Позже, во время боёв в Донбассе, Кудинский был назначен «комиссаром при Ставке Главнокомандующего по борьбе с контрреволюцией (Антонов-Овсеенко) и для наблюдения за формированием отрядов».

вой колонне под командованием Р.Ф. Сиверса²⁵³ приказано было теперь занять Белгород. Второй колонне Соловьёва и остальным частям предписывалось оставаться в Брянске в ожидании дальнейших распоряжений. Несмотря на всю суе-ту, бесконечные реорганизации и перенаправление вновь создаваемых колонн Кудинский постепенно приближался к здравой мысли, занять Донбасс, а там уже, в зависимости об обстановки, направить все усилия, либо на Киев, либо на Новочеркасск.

Между тем, продвигаясь на юг, Сиверс, совместно с так называемым 1-м Петроградским сводным отрядом Ховрина (до 300 штыков и бронеплощадка), позже, уже в Харькове, совершенно разложившимся «на почве реквизиций, обысков и арестов²⁵⁴», и 30-м запасным полком Руднева²⁵⁵, принял участие в бою с гайдамаками у ст. Тамаровка, западнее Белгорода. Проследовал дальше и 9 декабря без боя вошёл в Харьков. Сюда же для непосредственного руководства последующими операциями 11 декабря прибыл со штабом и Антонов-Овсеен-

---

²⁵³ Рудольф Фердинандович Сиверс, 1892 г.р., окончив Школу прапорщиков, на Великой войне был командиром взвода в 436-м Новоладожском полку 109-й пехотной дивизии. После Февраля вступил в партию большевиков. Был одним из создателей и редактором органа большевистской организации 12-й армии – газеты «Окопная правда». В Октябрьские дни – член Военной организации при ЦК РСДРП(б). Умер в Москве 2 декабря 1918 г. после тяжёлого ранения. В состав «Северного Летучего отряда» Сиверса на начало декабря входили 178-й запасный пехотный полк Шимановского (до 900 штыков), эскадрон 18-го Гусарского Нежинского полка (до 50 сабель, до 120 штыков при 10 пулемётах), Дновский гарнизон (200 штыков, 50 сабель, 3 броневика), одна шестиорудийная батарея и сборная Петроградская самокатная команда. Всего 1165 штыков, 97 сабель при 6 орудиях и 14 пулемётах. В составе отряда также 3 броневика, 14 самокатов, 9 мотоциклов. По тем временам – огромные силы.

²⁵⁴ Отряд Ховрина, утративший боеспособность, во второй половине декабря был расформирован.

²⁵⁵ Николай Александрович Руднев, 1894 г.р., окончил в 1916 году военное училище в чине прапорщика. Был выборным командиром 30-го запасного стрелкового полка и членом Харьковского ВРК. 15 октября 1918 г. у станции Бекетовка под Царицином в контратаке был смертельно ранен. Скончался 16 октября.

ко²⁵⁶. Украинские подразделения в городе, несмотря на протесты местного большевистского комитета во главе с Артёмом (Сергеевым)²⁵⁷, отрядом Сиверса были разоружены.

Нет возможности, да и необходимости подробно описывать перемещения Советских войск и директивы командования, нацеленные на постепенное, по большей части, дипломатическое вытеснение «украинизированных» отрядов из Донбасса. Эта тема заслуживает особого внимания и отдельного разговора. Десятки векторов влияния сложились в итоге в результирующей, и он склонялся в пользу большевиков. Шаг за шагом, продвигаясь от Харькова на юг, отряды Руднева и Егорова заняли без больших боёв 17 декабря Лозовую, 18 декабря Павлоград, 21 декабря Синельниково. Лишь Александровск²⁵⁸ был ещё в руках гайдамаков. А вместе с ним, и последняя железнодорожная ветка, соединяющая Киев с Новочеркасском, оставалась незанятой большевиками.

Советским войскам удалось почти полностью изолировать Дон от Украины, но главное было не в этом. Не хотели воевать солдаты ни одной из сторон. Но выяснилось, что гайдамаки не хотели всё же в *большей* степени. Относительная лёгкость, минимальные потери, с которыми был занят в две недели Донбасс и часть Левобережья, круто изменили военные планы. Серьёзные, достигнутые малой кровью успехи, позволили военному

---

²⁵⁶ Как свидетельствует Антонов-Овсеенко, Ленин предложил ему указать «лицо для непосредственного командования против Каледина». «Я предложил ему сам себя для этой работы, – пишет Антонов-Овсеенко, – что и было принято». 8 декабря СНК выдал Антонову-Овсеенко удостоверение в том, «что он, с согласия Главковерха Крыленко, комиссара Подвойского и всей Коллегии по военным делам уполномочивается для общего руководства операциями против калединых войск и их пособников».

²⁵⁷ До военных успехов в Донбассе в СНК преобладало мнение, что Советские войска продвигаются на юг исключительно для борьбы с Калединым. С Радой при этом считали нужным договориться всего лишь о пропуске отрядов. Именно эту, «партийную» линию и отстаивал Артём. Военные власти, и в Центре, и на местах, с самого начала решали все вопросы силовыми методами. Любопытно, что в Областном Харьковском комитете РСДРП(б) работала в это время кооптированная в него группа бежавших из Ростова большевиков во главе с Васильченко и Жаковым.

²⁵⁸ С 1921 г. – г. Запорожье.

командованию *предположить*, что взять под свой контроль центральные районы Украины, а возможно, и всю её территорию *целиком*, даже и с теми силами, что были собраны под Харьковом, *вполне можно и попытаться*. Открывающиеся головокругительные перспективы завораживали, и не могли не заинтересовать и Смольный. Там, конечно, относились к подобным вещам куда более настороженно, но люди, в большинстве были решительные. А главное, понимали: то, что легко можно сделать сегодня, завтра не удастся уже ни при каких обстоятельствах.

Не откажешь в решительности и Антонову-Овсеенко, и его командирам. Разделить по двум расходящимся, совершенно изолированным друг от друга направлениям ничтожные по меркам Великой войны, наспех сколоченные, неустойчивые, мало управляемые силы, рискнул бы не всякий. Не стоит забывать, что информация о противнике, которую удалось собрать к январю из случайных, непроверенных источников, была крайне скудна и противоречива. Но и из неё следовало, что Каледин располагает, не считая «алексеевцев», партизан и возвращающихся с фронта отдельных казачьих частей и подразделений, по меньшей мере, тремя кадровыми конными дивизиями. А Рада – десятками тысяч бойцов «украинизированных» частей в центральных районах страны и потенциально силами в той или иной степени подчинившихся ей Юго-Западного и Румынского фронтов.

В этой ситуации решение разделить войска и двинуть до половины их на Киев выглядело на первый взгляд не просто авантюрой, но самоубийством. Но в соответствии с логикой завязывавшейся тут и там, на безвестных полустанках гражданской войны, только так поступать было и можно, и даже необходимо. В условиях, когда не было ни фронта, ни флангов, ни стратегии, а были узловые станции, да куцые отрядики в разбитых эшелонах, когда судьба «компаний» решалась не в бою, а на бесконечных митингах, выигрывал не тот, кто был рассудительнее и мудрее, а более смелый и инициативный. Инициативу решительно взяли в свои цепкие руки большевики.

Так или иначе, но Муравьёв, Берзин и Егоров²⁵⁹, как известно, начали продвигаться на запад. Сиверс, Саблин и Петров вышли к границам Области войска Донского.

Не забывали и об идеологическом обеспечении предстоящей операции против Каледина. Выработанный Казачьим комитетом при ВЦИК 12 декабря был опубликован декрет Совнаркома, в котором в частности говорилось:

«Властью революционных рабочих и крестьян Совет Народных Комиссаров объявляет всему трудовому казачеству Дона, Кубани, Урала и Сибири, что рабочее и крестьянское правительство ставит своей ближайшей задачей *разрешение земельного вопроса в казачьих областях* в интересах трудового казачества и всех трудящихся на основе Советской программы, принимая во внимание все местные и бытовые условия и в согласии с голосом трудового казачества на местах.

...В настоящее время Совет Народных Комиссаров постановляет:

- 1) Отменить обязательную воинскую повинность казаков и заменить постоянную службу краткосрочным обучением при станицах.
- 2) Принять на счёт государства обмундирование и снаряжение казаков, призванных на военную службу.
- 3) Отменить еженедельные дежурства казаков при станичных правлениях, зимние занятия, смотры и лагеря.
- 4) Установить полную свободу передвижения казаков.
- 5) Вменить в обязанность соответствующим органам при народном комиссаре по военным делам по всем перечисленным пунктам представить подробные законопроекты на утверждение Совета Народных Комиссаров».

Даже при поверхностном ознакомлении бросается в глаза слабость, и даже наивность этого документа. Землёй казачество владело и так. О том, каким образом предполагала разрешить

---

²⁵⁹ Павел Васильевич Егоров, 1889 г.р., окончив в Лионе военное училище, воевал в чине капитана. В 1917 г. вступил в ряды РСДРП(б). С ноября 1917 г. член Центрального штаба Красной гвардии в Москве. К Антонову-Овсеенко прибыл во главе Московского красногвардейского отряда. Год смерти неизвестен.

земельный вопрос «Советская программа» ничего конкретного не говорилось. Все послабления по несению военной службы на деле могли означать переход казаков к статусу «обычных» крестьян со всеми вытекающими из этого последствиями. Что также воспринималось неоднозначно.

В дополнение Совнаркомом было выпущено пространное обращение «к трудовому казачеству», начинавшееся словами: «Братья казаки, вас обманывают. Вас натравливают на остальной народ...» Далее пояснялось, отчего казачеству не по пути с Калединым и Корниловым, предлагалось выступить «против генералов» и сообщалось, что «...наши революционные войска двинулись на Дон... чтобы положить конец преступному восстанию против народа...» С подобным же воззванием обратился к казакам и Казачий комитет.

Все эти, наспех составленные, во многом противоречивые обращения и постановления, пришлось, тем не менее, весьма кстати. Наполненные простыми и понятными, *завораживающими*, призывами и фразами, они, без сомнения, внесли свой вклад в последующее разложение казачьих частей. Решающим же фактором, всё в конечном итоге определившим, была перемоловшая страну война...

Между тем, 17 декабря Сиверс в эшелонах начал выдвижение в общем направлении Змиевка – Балаклея – Никитовка. Двигался он медленно и осторожно, так как в Изюме и Балаклее располагался «украинизированный» 5-й кавалерийский полк. Боеспособность украинцев оказалась весьма низкой. Лишь отдельные разъезды разбирали пути перед эшелонами красновардейцев. Тем не менее, когда гайдамаки предложили переговоры, Сиверс охотно на них пошёл. И дело было не столько в недостатке сил, сколько в разложении, охватившем часть отряда. Вот что пишет об этом Антонов-Овсеенко: «В отряде Сиверса было неблагополучно. Главным врагом оказалось «зелё». В Змиевке люди 2-х его эшелонов разбили винные склады и, *несмотря на обстрел*, подвергли их разгрому и перепились. Их пришлось обезоружить, и я получил обратно в Харьков 2

эшелона мертвецки пьяных людей. Из них до 300 человек были направлены с позором в Москву».

18 декабря 5-й кавполк согласился, наконец, сложить оружие и пропустить отряд Сиверса. Однако 21 декабря Сиверс заявил по прямому проводу Антонову-Овсеенко, что собирается «из-за отсутствия подкреплений» вернуться в Харьков. На что получил категорический приказ продолжать продвигаться вперёд под угрозой предания суду «за измену делу революции». Дело было, конечно не в резервах²⁶⁰. Сиверс, показавший себя волевым командиром и умелым организатором, тем не менее, не был уверен в успехе при серьёзном столкновении с регулярными донскими частями. Приказ занять рудничный район никто, в то же время, не отменял. Сиверс медленно, от станции к станции продвигался вдоль линии железной дороги на юго-восток. Особых боёв не было, дело ограничивалось перестрелкой. Однако у станции Соль Северо-Донецкой железной дороги на эшелон артиллеристов был направлен обложенный взрывчаткой паровоз без машиниста. Произошёл взрыв, число раненых оказалось значительным. В результате Орловская батарея, по свидетельству Антонова-Овсеенко, *окончательно расползлась*. Брянский отряд «пал духом» и был отозван в тыл «для пополнения». Тем не менее, 22 декабря Сиверс без боя занял Никитовку. 23 декабря – Макеевку. Состоялось, наконец, ожидаемое соединение с активизировавшимися рудничными красногвардейцами. Ещё 21 декабря ими был взят под контроль оставленный казаками г. Юзово²⁶¹. Сотни 58-го Донского полка отошли ранее, не при-

²⁶⁰ В распоряжение Сиверса перед наступлением были переданы прибывшие 21 декабря из Финляндии 422-й и 423-й пехотные полки (до 1200 штыков), 4-х орудийная Орловская батарея под прикрытием 2-го сводного Брянского пролетарского отряда (до 200 штыков). Предполагалось подчинить ему также подходившие с Западного фронта 19-й и 27-й пехотные полки, но в Орле и Курске солдаты замитинговали, объявили о нейтралитете и в итоге полки были расформированы.

²⁶¹ С появлением Сиверса в Донбассе активизировалась находящаяся на полулегальном положении, вытесненная казаками за пределы Области, рудничная Красная гвардия (по оценкам Антонова-Овсеенко, общей численностью до 2000 человек). 21 декабря красногвардейцы завязали перестрелку с казаками близ Прохоровского и Алексеевского рудников. В результате переговоров казачьи подразделения оставили Юзово и отошли на восток.

няв боя. Шахтёры встречали отряд, как освободителей. Многие спешили записаться во вновь формируемую Красную гвардию. Благо с Сиверсом были доставлены в Никитовку тысячи винтовок и несколько пулемётов.

Сиверс получил от Антонова-Овсеенко следующее предписание: «...Вы являетесь командующим всеми отрядами у Никитовки... Вам следует, организовав Красную гвардию, держать связь с Юзово и закрепивши за собой район Никитовки-Горловки и Дебальцево, продвигаться в связи с отрядом Саблина, который пойдёт к Лихой, по направлению к Звереву, послав разведку и заслон к Иловайской...»

Для организации местных красногвардейцев из Харькова в Никитовку был послан матрос Кротов. Уже 23 декабря он докладывал о формировании полка из шахтёров, численностью до 1200 штыков.

Удачно для Советов складывалась и обстановка на Луганском направлении. Ещё 20 декабря в Купянск тремя эшелонами вступил 1-й Московский Революционный сводный отряд Саблина²⁶², в составе 55-го, 192-го, 251-го стрелковых полков и команды добровольцев 85-го полка, при 8 пулемётах и одной батарее. Всего до 1900 штыков.

По дороге Саблин разоружил 17 декабря в Белгороде подразделения 1-го Польского полка, проявившего недовольство властями, и вынужден был оставить в городе некоторую часть своего отряда. В Купянске им были разоружены заявившие «нейтралитет» запасные батальоны и незначительное число гайдамаков.

Как и большинство левых эсеров, выдвинувшихся на командные должности за нехваткой военных кадров, Саблин был смел, решителен, но партийная принадлежность вносила в

---

²⁶² Юрий Владимирович Саблин, 1897 г.р., окончил в 1917 г. Школу прапорщиков и успел повоевать на соответствующих должностях. Вступив в партию левых эсеров (с 1919 г. – большевик), был избран на II съезде Советов членом ВЦИК и принял участие в боях с юнкерами в Москве. Принял участие в левоэсеровском мятеже. После разгрома был приговорён ревтрибуналом к 1 году тюремного заключения, но амнистирован ВЦИК. В 1937 г., будучи уже комдивом, репрессирован.

стиль его работы определённую специфику. В Купянске Саблин вначале провёл телефонный разговор, а потом и личную встречу с Г.И. Петровым²⁶³, назначенным ранее на должность «командующего на Воронежском направлении». Петров сообщил, что ввиду слабой боеспособности его отряда²⁶⁴, не может выделить соратнику по партии «3000 штыков и оружейную батарею», как ему предписывалось, и как обещал ранее.

Не избежал элементов разложения и отряд Саблина. Вот слова Антонова-Овсеенко, который в своих воспоминаниях, надо отдать ему должное, описывал происходившие события предельно откровенно, ничего не скрывая и не приукрашивая: «В Купянске Саблина также постиг кризис. Солдаты начали пьяный кутёж, разбежались; ему удалось с трудом удержать половину отряда, *остальных пришлось разоружить*».

Следственной комиссией отрядов Саблина было арестовано 20 человек. С трудом был успокоен 192-й полк, требовавший освободить полкового командира, арестованного за пьянство.

Правление Екатерининской железной дороги (из Екатеринослава) приказало не давать эшелонов Саблину, но Саблин заставил местных железнодорожников предоставить ему эшелоны.

Оставив в Купянском гарнизоне отряд в 200 человек 53-го полка, он выступил по указанному мною направлению Попасное-Родаково, Дебальцево-Луганск, и вскоре его передовые части вступили в Луганск и Дебальцево²⁶⁵. Но всего привёл он с собою не более 500 человек...»

---

²⁶³ Григорий Константинович Петров, 1892 г.р., учился в Петербургском политехническом институте. Не закончив обучения, попал на фронт, где проходил службу в чине прапорщика. Левый эсер. В 1917 г. был одним из организаторов милиции, затем, Красной гвардии в Рязани. В июле 1918 г. был направлен вместе с отрядом в Баку (занимал должность военного комиссара Бакинского района от СНК РСФСР). Захвачен мусаватистами и 20 сентября расстрелян в Закаспии в числе 26-ти Бакинских комиссаров.

²⁶⁴ 17-й колонны.

²⁶⁵ Саблин занял Луганск и Родаково 24 декабря, но Дебальцево, отведённое в зону действия его отряда, «прочно занять не мог». По данным его разведки против него находились до 4-х казачьих полков с 4-мя батареями. Ввиду этого активности Саблин не проявлял.

Первый этап операции, заключавшийся в занятии Донбасса, был завершён. Перед тем, как планировать следующие шаги, необходимо было закрепить достигнутое. Военные действия были приостановлены, как и продвижение отрядов в глубь Донской области. 24 декабря Антонов-Овсеенко приступил в Харькове к формированию штаба (Ставки)²⁶⁶. Особое внимание уделялось при этом обеспечению занятых коммуникаций и тыловому.

К этому времени выяснились, наконец, подробности «действий» 17-й колонны штабс-капитана Зайцева, которые абсурдностью своей превзошли все остальные несуразицы вместе взятые. Прибыв в пяти эшелонах ещё 7 декабря на станцию Зориновка (северо-западнее Чертково), колонна остановилась. Путь на перегоне к Чертково оказался разобран. Саму станцию занимал 35-й Донской казачий полк, получивший приказ воспрепятствовать дальнейшему продвижению красновардейцев, вплоть до применения оружия. Отрядный комитет выдвинулся к Чертково, и стороны «с большой охотой» вступили в переговоры. 9 декабря Круг направил в 17-й полк делегацию из пяти человек. В свою очередь и красновардейцы послали двоих делегатов, которые были заслушаны на заседании Круга 10 декабря. Делегаты вначале потребовали выдачи Каледина и Корнилова, но тут же сбавили тон и выдвинули следующие требования:

- 1) Войсковое правительство обязуется соблюдать все гражданские свободы и прекратить притеснения всех общественных демократических организаций.
- 2) Освобождаются все арестованные за политические убеждения и прекращаются новые аресты.
- 3) Войсковое правительство должно распустить все карательные экспедиции, дружины и добровольцев и участников этих экспедиций и формирований, некоренных жителей Дона выслатить за пределы Области.
- 4) Немедленно созывается краевое Учредительное собра-

---

²⁶⁶ Начальником штаба был назначен Муравьёв. Комиссаром «при Ставке Главнокомандующего по борьбе с контрреволюцией» – Кудинский.

ние по принципу пропорционального представительства от всего населения Области.

5) «Посылка на рудники Донской области делегации для призыва рабочих к дружной работе».

Круг добился от них согласия на посылку совместной делегации в Петроград к СНК для выяснения «почему идёт война с Доном».

Тем временем на станции Зориновка состоялось совместное заседание ВРК Минского отряда с представителями казачьих частей, 35-го и 44-го Донских полков. Было достигнуто предварительное перемирие, видоизменённое и закреплённое прибывшей вскоре делегацией Войскового круга. В итоговом соглашении ничего уже не говорилось об освобождении арестованных, переизбрании Донских властей и даже о выдворении неказачьих добровольческих отрядов. Договорились о вещах более приземлённых:

- устанавливалась нейтральная зона между станциями Шептуховкой и Зориновкой, в пределах которой передвижение вооружённых отрядов и отдельных лиц не допускалось;
- подтверждалась посылка совместной делегации в Петроград «для выяснения, почему была послана на Дон карательная экспедиция²⁶⁷»;
- обе стороны обязались «широко оповестить всех о заключённом перемирии»;
- восстанавливалось беспрепятственное железнодорожное движение.

Более того, теперь уже казаки выдвигали 17-й колонне свои требования, заслуживающие быть приведёнными дословно.

«От местного военно-революционного отряда требуем:

1) Отступить от Чертково на станцию Кантемировка или се-

---

²⁶⁷ Самое поразительное во всей этой истории то, что делегация от 17-й колонны действительно добралась до СНК. 2 января 1918 г. Сталин телеграфировал по прямому проводу Антонову-Овсеенко: «Вчера были делегаты от Минского отряда. Они затеяли перемирие с казаками. У меня получилось впечатление, что их могут спутать. Отсюда просьба: не выпускайте этого отряда из-под вашего руководства».

- вернее. При настоящих условиях восстанавливается мир до возвращения делегатов из Петрограда.
- 2) Минский военно-революционный отряд обязан предъявить требование в Совете Народных Комиссаров об освобождении арестованных членов Совета Союза казачьих войск и арестованных за политические убеждения.
  - 3) Обязан предъявить в Совете Народных Комиссаров требование о разоружении красной гвардии и о прекращении посылки на Дон карательных отрядов.
  - 4) Обязан со дня принятия настоящих условий не предъявлять никаких требований, касающихся внутреннего устройства Донской области.
  - 5) Обязан предъявить требование к Совету Народных Комиссаров о скорейшем открытии дверей Всероссийского Учредительного собрания».

«И комитет Минского отряда не отверг категорически этих требований, – с возмущением писал Антонов-Овсеенко. – Более того, он решил отвести отряд к ст. Кантемировка».

Тщетно Берзин и представители большевистского Воронежского Совета требовали от отряда возобновления решительных действий. 17-я колонна, выйдя за пределы Области, стала на ближайшей станции и наступать «на Каледина» явно не спешила.

Непредвзятому наблюдателю могло бы показаться, что в лице 17-й колонны Войсковое правительство нашло едва ли не союзника. Но всё объяснялось, конечно, проще. Солдаты не хотели воевать совершенно. И казачий Дон в их понимании ничем не отличался от империалистической Германии. В сущности, они продолжали делать всё то, что делали их товарищи на фронте – братались. Встреченные делегатами Круга с пониманием, их представители отвечали тем же, и прежде остального, переставали видеть в «калединцах» врага.

Стороны в итоге сохранили статус-кво. Дипломатическая же победа Войскового правительства была полной. Впрочем, она мало что значила. СНК и военное руководство подобные

переговорные инициативы «местных товарищей» попросту игнорировали.

Вместе с тем, нельзя не задаться вопросом. Отчего Войсковое правительство, как нетрудно убедиться, готово было пойти на мир с Центром, даже и ценой определённых уступок, в то время как Смольный настаивал на разгроме Каледина? Вопрос конечно, из разряда философских, но вывод напрашивается сам собой. Самодостаточный, обеспеченный всем необходимым Дон мог себе позволить мирное сосуществование с Советами, большевики – ни в коем случае. Прежде всего, по политическим соображениям. Неизбежное в условиях слома государственного аппарата и развала экономики резкое снижение и без того скудного уровня жизни, на фоне относительно благополучной Донской области не прибавляло популярности новой власти и ставило под сомнение само её существование. К тому же Дон неизбежно становился центром притяжения всех антисоветских сил. Немаловажными представлялись и причины чисто военные. Каледин пусть и номинально располагал значительными силами. Вполне логично было предположить, что при благоприятных обстоятельствах, скажем, при серьёзном антисоветском выступлении, он двинет казачьи полки через Лиски и Воронеж прямо на Москву. Что касается Корнилова, тут и сомневаться не приходилось. В том, что генерал выступит в поход, едва соберётся с силами, не сомневался никто. Необходимо было покончить с «добровольцами», пока их было мало. Были ещё и причины экономические. Огромную роль в жизни страны Дон играл, как поставщик продовольствия и угля. К тому же «суверенная» казачья республика вольно или невольно, но отрезала Центр от юга.

Надо отдать должное людям типа Антонова-Овсеенко. Даже в запутанной, противоречивой и во многом неблагоприятной обстановке они всё это осознали и сориентировавшись, сделали единственно верный выбор. Наступать с тем, что находилось под рукой. Во что бы то ни стало либо уничтожить неокрепшего ещё противника, либо погибнуть. Следует признать, бесстрашия и настойчивости им также было не занимать.

Антонов-Овсеенко потребовал ареста командира 17-го полка штабс-капитана Зайцева²⁶⁸ и переподчинения отряда Петрову. Одновременно в Минский отряд прибыли агитаторы и влились представлявшие надёжными подкрепления, в том числе, и из Воронежских красногвардейцев. 20 декабря два эшелона 5-го пулемётного полка (до 700 человек) заняли без боя Чертково. 34-й и 35-й Донские полки, утратившие в результате соприкосновения с 17-м полком устойчивость, отошли на Миллерово-Глубокую²⁶⁹. Постепенно на станцию подтягивались и остальные части колонны. Однако в результате возобновившихся переговоров с представителями 8-й Донской дивизии в ночь на 22 декабря подразделения 17-й колонны вновь очистили Чертково и откатились к Кантемировке. Петров, связанных с его назначением надежд, также не оправдал. Вот что писал о нём Антонов-Овсеенко: «Петров, командующий на Воронежском направлении, оказался ещё менее активен. Это – левый эсэр, бывший подполковник²⁷⁰, молодой, поэтически настроенный и весьма воинственный человек, и большой фантазёр, постоянно одетый в черкеску. Его стратегические планы были грандиозны. Личная храбрость поразительна, но организовать самое пустяковое дело он не умел. Вместо продвижения на соединение с Саблиным, как ему указывалось, по направлению к Миллерово, он продолжал переговоры с казаками на станции Чертково...

...Петров у Чертково, хныча на отсутствие у него людей и обуви, мечтал добиться желанных результатов одними переговорами без особой драки. На требование от моего имени арестовать Зайцева, *если он против наступления*, он ничего не от-

---

²⁶⁸ «По совместительству» он был также и председателем отрядного ВРК и подписывал одно за другим все примиренческие соглашения.

²⁶⁹ Оба полка вынесли резолюцию о недоверии Каледину. Казаки 35-го Донского постановили ввести выборность командного состава. В результате принятых Войсковым правительством мер по восстановлению дисциплины, начальник 8-й Донской дивизии генерал И.Д. Попов был с должности снят. В командование дивизией вступил генерал А.М. Назаров. Это, конечно, мало что изменило.

²⁷⁰ Разброс званий, приводимых разными источниками, персонально по отношению к Петрову, поразителен. От прапорщика до полковника.

ветил, как и на повторение ему этого приказа. Точно так же он ничего не сделал для исполнения приказа об усилении Саблина батальоном с пулемётами».

Предпринимались попытки организовать наступление на Дон и с востока. Направленная Антоновым-Овсеенко разведчица докладывала из Царицына, что в городе сформирован отряд Красной гвардии общей численностью до 2000 штыков. Под их прикрытием Царицынский Совет, контролирующий участок железной дороги, связывающий север и юг Донской области, принимал определённые меры против Войскового правительства. По возможности задерживались в Царицыне продовольственные эшелоны и тормозились воинские перемещения. С близлежащими станциями на казачьей территории наладились «дружественные» отношения. Казачьи сотни, находящиеся вблизи города были распропагандированы совершенно. Командующий войсками 2-го Донского округа генерал Максимов пытался запугать Царицынский совет, угрожая применением военной силы. Председатель Совета Ерман отвечал ему тем же. Дальше телефонных разговоров и взаимных угроз дело не пошло. Военная экспедиция советских войск на Куберле 7 декабря окончилась неудачей.

С 23 декабря 39-я пехотная дивизия, двигавшаяся в эшелонах из Ставрополя, заняла Торговую и Тихорецкую, но устойчивой связи с ней у Антонова-Овсеенко ещё не было.

Так или иначе, но к 25 декабря 1917 г. отряды Красной гвардии с трёх направлений (Кантемировка, Луганск, Никитовка) вышли к границам Области и стали на них в ожидании дальнейших распоряжений.

4.2. Первое наступление Сиверса. Ясиновский рудник. Передышка

Уже в начале декабря со всей очевидностью выявилась несостоятельность намеченного в Москве Антоновым-Овсеенко и Муравьевым ещё 8 декабря плана наступления на Дон с севера в общем направлении на Чертково – Миллерово – Каменскую.